

Слово Святого Праведного Алексия Мечева (+1923г.) на день всех Святых

О ПОДРАЖАНИИ СВЯТЫМ

Воскресение после Троицына дня называется по-церковному Неделей Всех Святых, а называется оно так потому, что в это воскресение Св. Церковью постановлено праздновать память всех Святых.

Каждый день посвящен Св. Церковью в память и честь какого-либо Угодника Божия, но нужно было назначить и один день для всех Угодников и как бы собрать их всех для чествования в один день, чтобы показать, что одною силою они все действовали; силою Того же Иисуса Христа, Спаса нашего все направлялось, хотя и разными путями, но к одной цели — Тому же Единому Господу. Это и не могло быть иначе, потому что все они взирали, т. е. приняли за образец Единого Подвигоположника — Того же Иисуса Христа, за то и увенчаны от Него одним венцом Славы — каждый по достоинству, и составляют Едину Св. Церковь Небесную в горнем мире; Церковь эта, в свою очередь, составляет едино с Церковью земною, со всеми верующими на земле.

Дорогие, мы все созданы для жизни, всем дорога и мила жизнь. Но настоящая земная временная жизнь не успокаивает, не утоляет врожденного нашего стремления к вечной жизни. Здесь на всем только тень или отблеск истинной жизни: не успеешь осмотреться, не успеешь насладиться явлением ее, как уже блекнет она, слабеет и исчезает, остается одно воспоминание, одно сожаление о ней и новое желание ее.

Взгляните на окружающую вас природу: вот все теперь благоухает вокруг нас — теперь лето, все покрыто яркою зеленью, прекрасными цветами, все живет и возбуждает жизнь, но пройдет это драгоценное время года — и все исчезнет, скроется жизнь, чтобы опять воздыхать по ней. И родные, и друзья, и присные наши — все, пройдет время, — все перестанут жить.

Как же быть? Неужели мы можем только желать истинной жизни, но не достигать ее? Нет, жизнь земная, приговорительная жизнь, дана нам для жизни истинной, вечной: *«Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, Единого Истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа»* (Ин. 17, 3). Вот где и в Ком жизнь: в Боге Отце и Сыне Его, нашем Спасителе, — Его воля, Его святое

учение, вера в Него и покорность Ему приготовят нас, и мы заслужим эту жизнь, наконец наследуем ее, эту жизнь, с Ангелами и всеми святыми. Здесь успокоится человек, утолится жажда жизни, столько тревожившая его.

Св. Евангелие говорит нам о том, что для того, чтобы наследовать жизнь вечную, необходимо быть вполне истинным христианином, вполне верным учеником Христа и исполнителем Его Святого Закона. Чтобы войти в Царство Небесной Славы, нужно быть христианином и по душе, и по жизни, свято соблюдать установления Св. Церкви и с усердием возвращать в себе христианские добродетели.

Преп. Пафнутий, строгий подвижник благочестия, молил однажды Бога открыть ему, кому из святых он подобен. И был к нему голос от Бога: «Ты подобен старшине ближайшего селения».

Преп. Пафнутий отправился в селение и нашел старшину, который радостно принял старца. «Расскажи мне свой образ жизни, ибо ты превзошел многих монахов, как открыл мне Бог», — сказал Преподобный старшине. Тот отвечал, что он человек грешный и недостойн даже имени монаха. Однако на усиленную просьбу Пафнутия старшина рассказал ему, что он женат и имеет трех сыновей, которые помогают ему в его делах. Странников и бедных принимает в свой дом и кормит; в несчастии печальных утешает, враждующих примиряет, во всем и всегда наблюдает справедливость, никого никогда не огорчает и не осуждает (*Воскресное чтение*).

Будем же, дорогие, и мы жить добродетельно и свято. Обратимся с теплыми мольбами ко всем Святым, благоугодившим Господу Богу и наследовавшим Царство Небесное, чтобы они помогли нам своим ходатайством пред Богом, и будем подражать их святой жизни. Многими и разными способами спасались они. Выберем образ святой жизни, какой нам лучше понравится, будем по нему вести себя, и Господь помилует нас, и спасемся, и добро нам будет.

Вси святии, молитте Бога о нас. Аминь.

1914 г., июня 1 дня.

Слово Архимандрита Антонина (Капустина) (+1894г.) в неделю всех Святых

Помыслих дни первыя, и лета вечная помянух, и поучахся. (Пс. 76, 6).

Кто путешествовал, и особенно — далеко, тот знает, как отрадны и вожделенны те минуты, в которых он опять видит себя дома. С какою любовью, с каким утешением воспоминает он путь свой! Чего не перемыслит, чему не поучится при этом, как бы вторичном, странствовании! В настоящий день мы представляем собою, братья, именно таких путешественников. Сегодня оканчивается в Церкви ряд так называемых *подвижных* или *переходящих* праздников ея, или время *Триоди*, т. е. время, в которое при церковных богослужениях употребляется книга трипесничных канонов. Это время, начавшееся за три недели перед Великим Постом, и оканчивающееся настоящим днем, своими восемнадцатью седмицами объемлет самые торжественные дни богослужения православной Церкви, и разделяется всерадостным днем Воскресения Христова на две половины, называемая обыкновенно *четыредесятницею* и *пятьдесятницею*. По благодати и милости Божией, мы сподобились пройти как ту, так и другую половину триодного пути, и теперь возвращаемся ко времени обычного церковного песнопения. Остается и нам, подобно путешественникам, окончившим свое далекое странствование на досуге, теперь заняться, в утешение и назидание себе, обзором совершенного нами пути. За руководство возьмем себе при этом слова присного учителя нашего, богодухновенного псалмопевца ветхозаветного, подобно нам совершавшего мысленное путешествие по временам, до него минувшим. *Помыслих дни первыя и лета вечная помянух, и поучахся*, говорит он. Сделаем и мы тоже.

1. *Помыслим* прежде всего *дни первыя*, — первыя из дней нашего годовичного, во след Церкви, странствования. При этом, в самом начале, воскресают в памяти нашей, виденные нами тогда, образы двух, столько не похожих друг на друга, лиц — восхваляющего себя праведника, и окаявающего себя грешника. Мы видели, как они входили в *церковь помолитися*, как и где стояли в храме Божиим, что, и как говорили при этом.. Мы подивились, когда узнали, что, сверх чаяния, грешник вышел из церкви *оправданным паче праведника*. У нас замечены имена их. То были *фарисей* и *мытарь*.. За тем, мы встретились с одним недобрым сыном одного доброго отца, который,

преждевременно пожелав пожить на воле, оставил дом отеческий и край родной, и на стороне далекой расточил безумно все полученное им в наследство имение; после чего обнищал до того, что должен был наняться пасти свиней, которых корму, несчастный, завидовал.. Утешились мы, когда узнали, что невыносимый голод заставил его вспомнить о родном доме, и возвратил в объятия отца. В памятных заметках сердца нашего неопытному юноше придано не лестное имя *блудного сына*. Весьма памятна нам и раскрытая потом пред нами Церковью, картина страшного суда Божия, ожидающего всех, живущих на земле, поразительная и достоплачевная и невыразимо тяжкая, послужившая, однакоже, у нас, как бы только для прикрытия безумного веселия, вызываемого самородным праздником, неведомым Христовой Церкви.. От зрелища последних судеб человеческих, мы перешли потом к созерцанию — первых, — видели праотца нашего Адама сидящим *прямо Рая* в пустыне, и вместе с праматерию человеков оплакивающим утраченное ими блаженство.. Нося в сердце сей печальный образ мы сами вступили потом в пустыню великого Поста. Медленное, тяжелое, утомительно-однообразное странствование наше по ней продолжалось 40 дней. Изредка встречались нам на пути строгие образы великих подвижников и ревнителей благочестия: Григория Афонского, Иоанна Синайского, Марии Палестинской. Раз мы усладились видением великого церковного торжества времен давноминувших, и раз созерцали красоту Древа Крестного.. Вот и все, что мы встретили на предлежавшем поприще покаяния. За то, среди скучного для плоти однообразия, дух наш бодренно упражнял свои, ослабевшие прежде в разнообразной суете житейских дел силы, и, окриляясь молитвою и постом, все более и более стремился на встречу великой седмицы страданий Христовых.. Благовестное событие воскрешения мертвеца четверодневного, завершившее собою *душеполезную четыредесятицу*, заставило нас оглянуться назад, и пожалеть, что так скоро наступил исход ея. Это могло значить, что мы свыклись уже с постом, и нашли его постом *приятным*, как называет его одна священная песнь.. Последняя седмица держала дух наш в непрерывном благоговейном внимании к умирительному ходу церковного Богослужения, день ото дня мы все ближе и ближе видели перед собою, в воспоминательном совершении, таинство искупления нашего. Наконец узрели и то, чего нельзя позабыть, увидевши раз, — клятвенный Крест, с распятым на нем Сыном Божиим, *бывшим по нас клятвой* (Гал. 3, 13). Многоречивый день безмолвствующей субботы *благословенной* ежеминутно колебал сердце наше между скорбию преходящего и радостью наступающего. Незабвенная ночь всепразднственная превратила все существо наше в зрение, в слух, в мысль, в чувство. Светоносное сретение Воскресшаго, и несравненная песнь

Воскресения, в первый раз огласившая слух наш, не служат ли драгоценнейшими воспоминаниями из всего нашего странствования? И вся тасветлая седмица не есть ли для памяти нашей один лучезарный, пленительный образ восторгающей, неувядающей, благоухающей красоты? — Весело и радостно шли мы потом, как бы спустившись с высокой горы, по ровному и цветистому лугу *Пятьдесятницы*. Имя Пасхи каждый день доносило до души нашей сладчайшее и отраднейшее сознание близости к нам Господа нашего Иисуса Христа, пока Церковь не показала нам Его *возносящимся* от нас *на небо*. Сердцу стало прискорбно, но дух радовался за возвышение естества человеческого превыше всякой видимости. За тем путь наш как бы остановился на время. Виденного нами было слишком достаточно к тому, чтобы заставить нас, подобно Апостолам, стоять мысленно и смотреть на небо, или пребывать с Апостолами на Сионе, и как бы ожидать чего-то.. Наконец небо послало нам чудный ответ свой. И все, что только есть в душе нашей самого живаго, теплаго, юнаго, цветущаго, мы вызвали из нея и сочетали с прекраснейшим из праздников христианских. Вся истекшая Седмица была как бы живым отголоском Светлой седмицы *Пасхальной*. Даже сия последняя, в пути нашем, неделя *Троицкая*, казалась нам привлекательнее и полнее тех, еще слишком живых, веселых и шумных дней, коими началась Пятьдесятница. Вчера совершенно было Церковию отдание последняго *подвижнаго праздника* церковнаго круга, а сегодня оканчивается и самый круг подвижных праздников Церкви.

2. *Помыслих дни первыя, и лета вечная помянух*, говорит путеводитель наш. Не доискиваясь безцельно связи, какая может быть между днями первыми и летами вечными, верные избранному нами руководству, начнем *помянуть лета вечная*. Что такое изображает собою таинственное путешествие наше по церковному кругу? Это, братия, краткое изображение всей судьбы рода человеческого, падшаго и возстановленнаго, это краткий наглядный очерк Божественнаго смотрения о спасении нашем. Так издавна смотрела на Триодное время Св. Церковь, установившая оное. Так должны смотреть и мы. Пройдем же снова в ея духе, уже перемысленные нами, дни — История судеб падшаго человечества предварена другою, неясно дошедшею до нас, но несомненною историею падшаго духа; так что в начале бытия земнаго являются уже два грешника: *диавол* и *человек*, — грешник гордый, самообольщенный, нераскаянный и грешник сокрушенный и смиренный. Это своего рода фарисей и мытарь, Один в безмерном самомнении и помыслить не может о покаянии, другой, от страха и гнетущаго сознания своего недостойнства, не смеет очей возвести к Богу. Последний привлекает, за то, на себя милость Божию, а первый осуждается на вечную погибель. — За тем

грешный род наш распадается на две, численно неравныя и неравноправныя, но равнородныя и равнобытныя половины: *народ избранный* и *язычников*, на людей любимых, и людей только терпимых. Первая половина была в завете с Богом, и служила Ему по мере сил. Последняя отдалилась от Бога, и жила самозаконно, *ходя по своим похотех* (2 Петр. 3, 3), *ислужа богом иным* (Втор. 7, 4. 16). Пришло однакоже время, что и последняя возвратилась к Богу, и вступила, наравне с первою, в общий обеим, *Новый Завет* с Ним. Все это в подробности раскрывается в поучительной и трогательной притче о *блудном сыне*. — Следующее за тем воспоминание страшного суда Божия представляет нам самое действие осуждения или помилования грешников, смотря по их заслугам в том или другом смысле; при чем диаволу и, его волю творящему, языческому миру уготовляется *мука вечная*, а кающимся мытарям и раскаевающимся сынам блудным даруется *живот вечный*. — Сии три изображения составляют вступление в историю человека, и суть как бы план или чертеж всех, следовавших за его грехопадением, событий. За тем начинается самая история, столько известная всем и каждому. Человек преступает прямую, и определенно выраженную волю Божию, в полном ведении последствий своего тяжкаго греха, и в след за тем упадает с высоты своего богоподобнаго совершенства в уровень животных безсловесных; но уже в самом падении своем получает залог востания, ибо падает с раскаянием. Изгнанный из Рая, он *сидит прямо* его, и, *свою наготу рыдая*, плачет, и мы с умилением слушаем его трогательную молитву: *помилуй мя падшаго*. Помилование ему обещано. Но он и все потомство его должны приготовить себя к грядущей милости Божией долговременными страданиями. Человечеству предстоит великая Четыредесятница подвига. Пять тысяч лет, как пять недель Поста, должны были пройти для рода Адамова в покаянном сетовани, самоукорении и самоисправлении, в прискорбных воспоминаниях прошедшаго и радостных ожиданиях будущаго. В течение шестой тысячи должно было окончиться ожидание, и начаться сретение ожадаемаго. *Тайна, леты вечными умолчанная, открылась* (Рим. 14, 24), наконец. *Бог явися во плоти* (1 Тим. 3, 16). Люди видят Христа, чудятся славным делам Его, слушают (проповедник имеет в виду обыкновение начинать чтение Четверо-евангелия на шестой неделе великаго Поста) божественное учение Его — до того самого времени, как *Грядый во имя Господне*, торжественно с царскими почестями вступил на последнее пребывание свое в Иерусалим, *кроме* котораго невозможно было *нигде погибнути Пророку* (Лук. 13, 33). Наступила н великая *Седмица едина*, долженствовавшая *утвердить завет Новый* (Дан. 9, 27), и *потребить Помазанника* (— 26). Для живейшаго и полнейшаго воспоминания каждая из последних дней жизни Иисуса Христа, Церковь определила по

целому также дню; и составила, таким образом, дополнительная к Четыредесятнице, седмица страстей Христовых. — *Завет утвержден. Жертвы и возлияния прекратились. В отреченном святилищи началась мерзость запустения. Старейшина грядущий* (—) умер и воскрес, умертвив смертью смерть, и даровав новую жизнь *обновление жизни* (Рим. 6, 4) человеческому роду. С Четыредесятницею оканчивается для нас воспоминание ветхозаветного периода *лет вечных*. С нашею Пасхою минула сень гаданий, и началась действительность. Сорок дней Воскресший пребывал на земле, являясь, повременам, верующим. Ровно столько же дней и Церковь посвящает памяти сего, столь дорогого для нея, промежутка времени, — сего неложного свидетельства непреложности ея глубочайших и сладчайших чаяний, связанных с лицом Господа Иисуса. В соответствие как бы того, что последнее сорокадневное пребывание Богочеловека с нами не ознаменовалось особенно памятными событиями (исключая явления Его Апостолам в осмый день по востании), и Св. Церковь неизменно одинаково продолжает празднственно воспоминать одно Его приснорадостное воскресение, пользуясь всяким случаем учить нас, как нам вкушать от сего новаго древа жизни. — Ея «новая неделя» есть первый внушительный урок нам о нашем сораспятии Христу и совостании со Христом, о нашем *обновлении во внутреннем человеце* (Еф. 3, 16) с *истлением внешнего* (2 Кор. 4, 16), *ветхаго* (Еф. 4, 22; Кол. 3, 9), — о необходимости *представить* нам себя *мертвыми греху и живыми Богу* (Рим. 6, 11), — о долге нашем *искать вышних* (Кол. 3, 1), и стараться *уразуметь силу воскресения Его и сообщение страстей Его, аще како и мы достигнем в воскресение мертвых, сообразуясь смерти Его* (Фил. 3, 10. 11).. Проводя сию цель, она в живых примерах учит нас то вере, то любви, то надежде, то молитве христианской, на каждую седмицу задавая особенный урок *хождения во обновлении жизни*. — Наконец совершается вознесение Сына Божия, *идеже бе прежде* (Иоан. 6, 62), и *седение одесную Отца* (Пс. 109, 1; Марк. 16, 19; Деян. 7, 56), завершившая собою *велию благочестия тайну* (Тим. 3, 1). — Еще тогда, как Победитель смерти пребывал на земле, являясь по временам ученикам своим, Его Лице, без сомнения, было предметом размышлений и соразсуждений между веровавшими. По вознесении же Его на небо, открылось место уже не одним вопросам богомыслия, но и всяким толкам суетумудрия, на долго возмущавшим мир церковный под памятным именем ересей. Чтобы не дать и одной минуты, так сказать, верующим в Божество Иисуса Христа увлечься учением ложным, Церковь из последующаго периода *лет вечных* изъе­млет благоприятствующее ея намерениям, событие созвание первого Вселенскаго Собора, изложившаго исповедание христианской веры, обязательное для всего православнаго мира, и его памяти посвящает (на

сколько содействовало сему самое время года, в которое происходил Собор, неизвестно; заседания его происходили в Июне и Июле 325 года по Р. Х.), следующую за праздником Вознесения, неделю. — Обстоятельства, подобная вызвавшим первый Собор Вселенский, оправдали вполне Слова Господни: *уне есть вам, да Аз иду. Аще бо не иду Аз, Утешитель не приидет к вам. Аще же иду, пошлю Его к вам. Егда же приидет он, Дух истины, наставит вы на всяку истину* (Иоан. 16, 7. 13.). И Утешитель точно пришел через десять дней по вознесении Господнем. Первым, драгоценнейшим плодом восшествия Сына Божия на небо было, т. обр. сошествие животворящего и освящающего Духа Его на землю — безмерной важности событие, утвердившее на века веков Св. Церковь Христову, с тех пор начавшую приходить от силы в силу, и скоро распространившуюся до последних пределов земли. — Другой плод вознесения Иисуса Христа, и вместе сошествия Св. Духа, есть возвращение членов Царства Божия *в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13). И сие, пока последнее, дело смотра Божия о нас чувствуется в настоящий, последний день Пятидесятницы, день памяти *всех Святых* Божиих: Пророков, Апостолов, Мучеников, Иерархов, Преподобных и всех от века благоугодивших Богу и составляющих на небе другую, и лучшую часть Церкви Христовой, Церковь торжествующую. — В плане Божественного смотра, на сколько он известен нам из слова Божия, неисполненным остается теперь только одно *второе пришествие* Сына Божия на землю для всеобщего суда над родом человеческим. Когда будет сей *последний день*, неизвестно. Люди постоянно должны ожидать его, а на сие памятование Суда Божия назначается Церквию все последующее время, до тех пор, пока мы снова не воззовем к благоговейному воспоминанию всей совокупности *лет вечных*.

3. *Помыслих дни первыя и лета вечная помянух, и поучахся.* Так заканчивает слово руководительный стих Псалма. Обратим в *поучения* себе и мы то, что *помыслили* и о чем *помянули*. Если год естественный своею последовательностию четырех времен изображает круг естественной жизни человека, и заставляет любителя мудрости многому поучиться у его, простых, по-видимому, явлений: то год церковный, без сомнения, христианину можно взять за указателя своей духовной жизни, за образец христоролюбиваго поведения. Его первая часть, которую мы только что прошли с Божиею помощью, есть преимущественно время научения нашего истинам веры и жизни христианской, это — всеобщая и всенародная огласительная школа Церкви, в которой учитель — чин богослужения, а ученики — все, принимающие в нем участие. В сей богоустроенной школе и в настоящий год каждый мог достаточно *обучить себя ко благочестию* (1 Тим. 4, 7), каждый мог получить самонужнейшия для него сведения о своей судьбе настоящей,

прошедшей и будущей. Вторая часть церковного года, в которую мы вступаем с сего дня, есть по преимуществу время обращения полученных нами познаний в жизнь. Все, что мы видели и слышали в течение оных первых дней, должно составить предмет нашего заботливого пересмотра, усвоения и обращения в урок себе в сии последние дни. Но сколь-ко же таких уроков может быть извлечено из виденного и слышанного нами! Недостанет и целого дня церковного собеседования для того, чтобы хотя в самом кратком виде пересказать содержание сих уроков. Собственное благочестивое настроение наше и, по временам, слово проповедника, без сомнения, указывали нам в свое время и подробнее и полнее предметы нашего назидания. И так, не считаем нужным теперь снова проходить вниманием всю последовательность прочитанного нами времени. Полезнее будет каждому теперь спросить себя: какие плоды принесли душе его оные святые сорок дней нашего *работания Господеви со страхом и за тем, радования Ему с трепетом* (Пс. 11, 11). Чем отозвались напр. в сердце его *фарисей* и *мытарь* — мало уже известные нашему времени, но бесспорно долженствующие быть известными ему? Какия чувства внушила ему притча о блудном сыне, которому подобных много и в наше время, но который мало находит себе подражателей в обращении к бесконечно — любящему Отцу? Как подействовали на него изображения вечной прохлады *рая* и вечного пламени *ада*, — более ли, чем какаянибудь картина ни студящая, ни палящая? Что вызвали из души его стенания *Адама*, всеродна падшаго? Каким он нашел для себя и самый *пост, сорокденницы* — точно ли великим, или только продолжительным, или, наконец, ни тем, ни другим, если он не знал напр. ни что такое: *мясопуст*, ни что: *сыропуст*, и думал, что подобным словам место — в одних церковных книгах? Донесли ли покаянные песнопения великопостных до совести его призыв к очищению и освящению грешной души его, или навели на нее скуку, или же прошли мимо нея безразлично, как проходит все не близкое, и не нужное?. Не спрашиваем: чем были для него великие дни воспоминания крестной смерти, погребения и воскресения Иисуса Христа? Христианину может показаться обидным такой вопрос. Однакоже излишне не будет, если он и об этом подумает сам с собою. Воспоминание, конечно, не самое событие но у кого не могло изгнать из души холода воспоминание, тот весьма мог быть холодным зрителем и самага события. Кивали же головами и у самага Креста Христова некоторые люди, коим было известно, что Распятый *иныя спасе* (Лук. 23, 35).. Подкупали же на безстыдную ложь и свидетелей воскресения Христова люди, которым дороже всего на свете долженствовало быть самое воскресение, как дело, касающееся их собственного естества.. Многое и другое может спрашивать у себя, в виде отчета, сын Церкви, проведенный ею в течение столь краткого времени через

такое множество самых близких душе его предметов. Но всегда ли он может надеяться получить вполне удовлетворительный, т. е. вместе и подробный и точный и беспристрастный, ответ на свои вопросы? Многое он позабыл, многое перемешал, многое перетолковал по своему, о многом получил самые поверхностные сведения.. У путешественников, на этот раз, обыкновенно помогают делу какие-нибудь дорожные записки или заметки. Где нам искать подобного подспорья памяти? По большей части — в предметах нашего ежедневного занятия. Стоит только внимательно посмотреть на каждый такой предмет, и он напомнит нам все, чего он был свидетелем. И именно та самая способность души от одного предмета переходить к другому, которая столько мешает молитве, в этом случае может доставить нам большую пользу, — навести нас на такие припоминания, которые вдруг осветят перед нами все давноминувшее состояние души нашей. Для той же цели, кроме пересматривания путевых заметок, путешествовавшие заводят беседу с своими спутниками, и общими усилиями воскрешают забытое время.. И у тебя, христианин — странствователь, есть также постоянные общники пути твоего, с которыми ты во всякое время дня и ночи можешь поговорить о твоей дороге. Эти спутники суть: первый — твое тело, второй — твое платье, третий — твое жилище, четвертый — твоя должность, или твоя работа, пятый вся природа внешняя.. С ними ты можешь беседовать во всякое время, когда только захочешь. Спроси у каждого из них: в каком состоянии он видел тебя в то или другое время, в том или другом месте? О, сколько может наговорить тебе, в этом отношении, одно твое тело, иногда бессмысленно украшенное до того, что стыдило своим убранством неумытую и неочищенную душу, иногда — безумно пренебреженное на столько, что душа могла бы отречься от него, как лишнего всяких признаков разумной жизни, иногда — пресыщенное до недуга, иногда — упокоенное до безчувствия, — истязуемое нуждою, палимое страстию, грубеющее от праздности, и засыхающее от скупости, и мн. др.. Спроси каждую вещь дома твоего. Чтонибудь особенное каждая знает про тебя, и может сказать тебе, если сумеешь спросить ее.. Обратись с вопросом к столу твоему, составляющему большую часть средоточия житейских попечений наших. Очень, очень много может напомнить тебе сей любимый спутник наш. Он был ближайшим общником и наперсником твоих ощущений и будничных, и праздничных, и дневных, и вечерних, даже сам многократно бывал их прямым виновником, — он знает много тайн души твоей, и плоти твоей, — знает и то, чего ты сам иногда не знаешь, напр. — отчего один и тот же предмет казался тебе голодному таким, а сытому — инаковым, — что значило твое внезапное умиление посреди блюд и чаш, и от чего происходило твое ожесточение при виде нищаго.. Спроси постель твою, где с покоем тела

упокоивался твой смысл, здоровый или больной, и где во сне ты узнавал себя лучше, нежели в состоянии бодрственном.. Сколько и она перескажет тебе твоих дел, чувств и помышлений вольных и невольных, ведением и неведением, в разуме и неразумии бывших. Прислушайся к говору и присмотрися к образу своей одежды. Побеседуй с твоею должностию, делившею с тобою и умерявшею все твои скорби и радости, ожидания и разочарования, от которой иногда освобождал тебя только один церковный праздник.. Беседуй со всем, и обо всем, что только хотя мало могло касаться твоего минувшаго странствования. — Когда переведешь в мысли и оживишь в памяти все обстоятельства онаго, увидишь, что трудился не напрасно, — ты узнаешь самого себя. А это и есть то *самоепоучение*, котораго мы с тобою желали достигнуть.

Братия! Будем ли мы вместе все, как теперь, и в грядущее церковное лето жизни, или различными обстоятельствами, т. е. промыслительною волею Божиею, разсеемся в концы земли, — будем ли оставаться под впечатлениями настоящего, на время, или увлечемся потоком новых чувств, от притока новых дел, сохраним память прожитых дней настоящего года и память минувших наших собеседований. Каковы бы ни были оне, да послужат на пользу души каждому, как напоминания о важнейших для христианина предметах. Ибо как знать, не будут ли для кого нибудь из нас сии *первые дни* последними в его жизни, не вступил ли уже он, неведомо ему самому, в свое *лето вечное*, и не имеет ли, потому, нужды, как можно деятельнее заняться завершением своего *учения*?

Благодать Господа нашего Иисуса Христа — устроителя дней первых, и любви Бога и Отца — предначертателя лет вечных, и общение Святаго Духа — нашего приснаго Учителя, да будет со всеми нами (2 Кор. 13, 13)! Аминь.

Слово Епископа Митрофана (Зноско-Боровского), Бостонского (+2002г.) в неделю Всех святых

Во имя Отца и Сына и Духа Святаго!

«Я уйду от вас, но вы примете силу, когда Дух Святой сойдет на вас», — сказал Христос ученикам Своим перед Голгофой.

И вот, в день Пятидесятницы Дух Святой сошел на Апостолов, вошел как СИЛА, проникающая всю внутреннюю жизнь, они стали причастниками Высшего Знания и привели ко Христу мир. В этот день реально, за пределами видимого мира, открылись глубины и величие мира невидимаго. Со дня сего, водимые Духом Святым — Апостолы и их ученики — святители, мученики, исповедники — неустрашимо пошли в мир и склонили к стопам Христа и гений науки и поэзию, и музыку, и скульптора и кисть художника. Им посвящен нынешний воскресный день. Собирая их вместе, их — взаимно связанных друг с другом одной Верой и единой Любовью ко Христу, хотя и принадлежавших разным расам и народам, разным сословиям, Церковь воспеваает им общий гимн, возглашая: «Дивен Бог во святых Своих».

Нынешний день — день всех святых, во вселенной просиявших — это праздник всемирной Христовой Семьи. Ибо все Святые — в их духовном единстве — представляют собою, поистине, ЕДИНОЕ б р а т с т в о, одну великую Семью, в которой воедино слились со Христом и эллин и иудей, и бедный и богатый, и царь и воин, и ученый и простец.

Этот вселенский, всемирный Сонм свидетельствует о том, что, вопреки утверждениям книжников современного мира, — христианство есть не отвлеченная философская система, что христианство и не теория мертвая, убивающая личность, подобно теориям социализма-марксизма, в основе которых лежат ложь и лицемерие, но что христианство есть СИЛА ЖИВОТВОРНАЯ, которая проникает все существо человека, просвещая его ум, очищая сердце и направляя его волю к *деятельности в сознании братства в е х во Христе*, в сознании ценности каждой личности человеческой и в сознании ответственности каждого за свои дела и поступки.

Во все времена во всей вселенной просиявшие, Святые свидетельствуют своей жизнью и о том, что мерилом достоинства человека являются не происхождение, не общественное или имущественное положение, не иныя внешния различия людей, а м о т и в ы чисто нравственные, вытекающие из

веры и верности Христу, вытекающие из принятия жизни, как служения высшим ценностям — Богу и человеку.

Эта великая, Церковью прославляемая, ВСЕМИРНАЯ СЕМЬЯ или, лучше сказать: ВСЕМИРНОЕ ХРИСТОВО БРАТСТВО, свидетельствует и о том, что при внешнем физическом рабстве можно достигать внутреннего просветления, иначе говоря: что внешнее рабство вполне совместно с внутренней свободой нравственной. Для этого нужны лишь — твердость христианских убеждений, твердость характера и внутреннее благочестие.

Итак, дорогие во Христе братья и сестры, приложим и мы усилие к усилию, чтобы на всех путях жизни сохранить свободу, быть свободными от грехов, от всякой скверны, да и чрез нас прославится в мире сем Имя Господа нашего Иисуса Христа, Спасителя нашего и всего мира. Аминь.

Слово Митрополита Николая (Ярушевича), Крутицкого и Коломенского (+1961г.) в неделю Всех святых

Звезды.

Мы счастливы, мои дорогие, что у нас в Православной Церкви такое множество святых. Своими духовными очами мы видим Царство Небесное, переполненное этими святильниками. Тысячи имен нам известны; еще больше тысячи имен ведомы одному Богу.

Кто они? Дети и старцы, мужчины и женщины, знатные и простецы, богатые и бедняки. Мы их называем звездами на церковном небе. Но в противоположность звездам, какие мы видим телесными очами на ночном небе, эти звезды не сотворены Богом такими, какими мы их знаем; они жили на земле, прошли тяжелый жизненный путь и с помощью Божией достигли той славы, в которой они сейчас сияют.

Но ведь вы знаете, дорогие,— вы должны знать,— что если совершенная святость есть удел тех, о ком мы говорим, то стремление к святости есть удел каждого из нас. В слове Божиим так и сказано: «...воля Божия есть освящение ваше...» (1 Фес. 4, 3); «Плод ваш есть святость...» (Рим. 6, 22); «Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа» (Евр. 12, 14).

Значит, стремиться к святости — это долг каждого православного христианина. И святые, которых мы созерцаем на церковном небе, являются не только нашими молитвенниками, но и нашими учителями, примерами для каждого из нас по пути к небу.

Что же их привело к вечной небесной славе? Любовь к Богу; совершенная, всецелая любовь, о которой сказано в Священном Писании: «Возлюби Господа Бога своего всем сердцем твоим, всей душой твоей и всем разумением твоим» (ср.: Мф. 22, 37).

Это такая любовь к Богу, когда слово Божие бесконечно дороже всего на земле, слаще меда, как говорит псалмопевец Давид, и ценнее всех сокровищ.

Это такая любовь к Богу, когда храм Божий служит самым любимым местом пребывания на земле; крест Христов — досточтимие всех украшений земных; заповеди Божии — священнее всего, что есть высокого и сильного на земле.

Еще что прославило святых людей вечной славой? Их смирение, которое благоухает нежнее всякого другого аромата. Это такое состояние духа, когда человек считает себя худшим других; когда он знает, что он недостоин тех

радостей, какими его наделяет Господь, и, напротив,— достоин тех горестей и скорбей, которые ему приходится испытывать.

Еще что? Терпение; когда человек собирает все силы своего духа, чтобы спасти себя от уныния и от отчаяния, веряя свою жизнь в руки Божии.

Это всецелое послушание и преданность воле Божией, когда христианин все, что с ним случается, принимает, как от руки Божией.

Это чистота тела и души, когда мы сознаем, что и тело и душа принадлежат Богу, и мы должны хранить их для вечной жизни.

Это, наконец,— любовь к ближнему: любовь, которая, по слову апостола Павла: «...долготерпит, милосердствует... не завидует... не превозносится... не раздражается...» (1 Кор. 13, 4—5).

Коротко сказать — это путь заповедей, оставленных нам Господом Спасителем на пути к вечной жизни.

Высший образец духовной красоты открыт нам в лице Господа Иисуса Христа. Не может человек представить себе совершеннее того образа, который мы видим в лице нашего Спасителя.

Французский писатель прошлого века Ренан, отрицавший Божество Господа Иисуса Христа, тем не менее писал: «Когда я прочитал Евангелие, я вижу, что нельзя представить себе большей духовной красоты, какую я увидел на его страницах в лице Иисуса Христа».

Тот же апостол Павел учит нас: «...в нас же должны быть те же чувства, какие и во Христе Иисусе...» (ср.: Флп. 2, 5).

Значит, для нас наивысшим образцом жизни нашего духа должен быть пример нашего Спасителя.

Мы знаем, что Он совершал нелегкие и дальние путешествия с севера Палестины в священный город Иерусалим в дни праздников, чтобы, согласно ветхозаветному закону, принимать участие в молитве. Наш долг — долг православных детей своего Спасителя — в воскресные и праздничные дни никогда не пропускать соборной молитвы, когда мы собираемся все вместе, когда среди нас, согласно Своему обещанию, присутствует Сам Спаситель и когда Святая Церковь наша низводит на нас свои бесчисленные благословения от лица Божия.

Мы знаем, как Господь Спаситель спешил навстречу каждому горю, исцеляя больных, воскрешая умерших; какую бесконечную любовью дышало каждое Его слово, обращенное к людям.

Подражая своему Спасителю, и мы должны спешить помочь тому, кто нуждается в нашей помощи,— посетить больного, послужить погребением умершему, подать помощь голодному.

Все вы знаете, мои дорогие, как молился, страдая, Господь наш Иисус Христос в Гефсиманском саду накануне Своей смерти.

Пусть и каждый из нас находит время перед тем как уснуть, войти внутрь своего сердца, вспомнить о грехах сегодняшнего дня, поплакать о них, помучиться от сознания их тяжести, попросить у Бога помощи не повторить их.

Не случайно наша Церковь завещает всем православным христианам после вечерней молитвы приносить келейное ежедневное раскаяние в своих грехах. Это содействует очищению нашей души, облегчает греховное бремя и помогает нам духовно расти для вечной жизни.

Чтобы умножить в себе христианские добродетели, чтобы быть подражателями Христу Спасителю и святым угодникам, мы должны поставить у дверей своего сердца стражей.

Одним из таких стражей должно быть внимание к самому себе, чтобы в сердце не обитало нечистоты и чтобы оно всегда было готово к борьбе с грехами, искушающими человека. Иным стражем у дверей сердца должен быть страх Божий, то есть постоянное напоминание себе о том, что от взора Всевидящего Господа ничего не сокрыто: не только то, что проявляется нами вовне, но и происходит внутри нашей души. И еще иным стражем у дверей сердца должна быть память смертная: память о том, что мы закончим свой земной путь в неведомое для нас время, рано или поздно, когда будет это угодно Господу, но продолжим свою жизнь в бесконечной вечности, к которой должны готовить себя.

С давних христианских времен святых принято называть цветами нашей жизни, а Царство Небесное — садом, в котором растут эти цветы.

Раскроем это сравнение. Разнообразны цветы земные: есть и малые, есть и большие; цветы разной формы и разного аромата. Но у всех у них общее — это корень, при помощи которого они вбирают в себя влагу и необходимые для роста вещества.

И у всех духовных цветов Божьего сада один и тот же корень, из которого они произросли,— это вера в Бога. Вера — это великая движущая сила, направляющая нашу волю, наш ум и наше сердце к вечности и ее Хозяину.

Вот почему и святые отцы древних веков христианства, и проповедники всех последующих времен всегда призывали христиан беречь веру как

драгоценный Божий дар. И я, как ваш архипастырь, не перестаю, пока живу, вторить голосу моих великих предшественников: берегите в себе веру. Возгревайте ее молитвой, покаянием, вашей доброй жизнью, чтобы она не умаялась, а тем более чтобы она не затухала. Если веры не будет в сердце, то такая темная завеса опустится перед нашими очами! Не будет видно, что ждет человека впереди. Если потухнет вера, не будет того счастливого состояния духа, когда и среди неизбежных горестей земных у человека спокойно, легко и радостно на сердце.

Все святые, которых мы вспоминаем сейчас в нашем слове, спасались верою и добродетелями. Спасались они не своими слабыми человеческими силами, но с помощью Божией, силою благодати Святого Духа. Всем сердцем желаю вам, мои дорогие, этой помощи Божией на пути к святости и чистоте своей души